

Идеальный гений

Ван Гогу 150 лет

Кашмерская. 2003. 29 марта - с. 9.

дата ЖИВОПИСЬ

Завтра, 30 марта, Винсенту Ван Гогу (1853–1890) исполнится 150 лет. Из них он прожил 37, а оставшиеся до сегодняшнего дня годы работали на создание и поддержание его мифа. Получилось здорово. Из Амстердама — КИРА ДОЛИНИНА.

Для такого хрестоматийного и дорогого художника 150 лет даже как-то мало. Получается, что если бы Ван Гог вел куда более правильный образ жизни, то он уж точно пережил бы первую мировую и вполне мог бы дотянуть до второй. А это значит, что он существовал бы рядом с фовизмом и экспрессионизмом, на которые повлиял, увидел бы разрушение живописи кубизмом и победное шествие абстракции. И был бы он художником рубежа веков, а при его художественной восприимчивости даже, может быть, и художником XX века, то есть почти современником наших дедов. Но он еле дотянул до 37 и остался там, где и начал, — на излете импрессионизма, с приставкой «пост», которая в принципе мало что обозначает, потому как свести воедино Гогена, Сезанна, Сера и Ван Гога все равно не получается. И даже более — несмотря на то, что Ван Гог писал от силы десять лет в самом конце века, он остался в истории искусств самым идеальным художником XIX века.

История этого образа Ван Гога куда более долгая, чем история его творчества. Вопрос, почему именно Ван Гог во всем искусстве раннего модернизма стал наипервейшим, налюбимейшим, лучше всех продаваемым и лучше всех выставляемым, занимает каждого, кто внимательно изучит историю импрессионизма и постимпрессионизма. Особенно увлекательно искать ответ на этот вопрос в Нидерландах, где Ван Гог национальным гением не почитается (на то есть Рембрандт, его собратья по золотому веку, а потом сразу Мондриан), но зато является несомненным чемпионом в гонке за туристскими деньгами.

Вообще-то Амстердам городом Ван Гога никак не является. Родившись в голландской провинции, в ней он и прожил поч-

ти всю голландскую часть своей жизни, и в Амстердаме жил меньше двух лет, не слишком удачно обучаясь теологии. Однако именно в Амстердаме вам не дадут забыть о Ван Гогe ни на день. В каждой сувенирной лавке — Ван Гог. Туристы через одного тащат в руках тубусы с плакатами из Музея Ван Гога. Эти же репродукции висят в номерах отелей. Самый красивый мост Амстердама — Magere Brug (Тоший мост) — опознается прежде всего как разводной мост, тип конструкции которого любил писать Ван Гог. То же с тольпанами и ирисами на цветочных рынках. И конечно, Музей Ван Гога: огромное здание 20-х годов для постоянной экспозиции, огромный новый корпус 90-х для временных выставок, отдельно стоящее здание библиотеки со всем, что когда-либо писали о Ван Гогe, несколько музейных магазинов и очередь на вход. Вторая такая очередь в любую погоду и в любой сезон в Амстердаме наблюдается только у входа в Музей Анны Франк. В этом, довольно циничном, сопоставлении — огромная доля низкой, но правды. Оба героя раскручены до невозможности и потребляются почти исключительно в оболочке своего мифа. Из Амстердама было депортировано более 100 тыс. евреев, большинство из которых погибли, существуют десятки дневников тех, кто пытался спрятаться,

только в Амстердаме уничтоженной еврейской общине посвящено три музея. Но очередь стоит только к Анне Франк.

Примерно то же с Ван Гогом. Он, конечно и без сомнения, гений. Но великими художниками (то есть повернувшими историю искусств) были другие — Мане, Дега, Сезанн. Однако именно Ван Гог оказался идеальным воплощением романтического мифа о гениальном несчастном художнике. Этот миф к концу века был уже хорошо проверен временем, немало для него сделали, например, Байрон и Гете. Своей кульминации он достиг именно к концу века, когда несчастье героев полностью перешла на их авторов. Рембо, Ван Гог, Модильяни — несчастнейшие из несчастных. Куда там до них умершему в одиночестве и отринувшему любое общество, но богатому и надменному Дега или сварливому, нелюдимому, но обеспеченному и семейному Сезанну! Рембо или Модильяни хотя бы были красавцами, Ван Гогу же не досталось ничего, кроме кисти. Некрасивый, нелюдимый, нищий, припадочный, нервный, пьющий, поздно начавший писать и за шесть лет создавший сотни шедевров, продавший за всю свою жизнь одну картину, сумасшедший самоубийца — биография, равной которой нет в истории искусств. И еще оставивший сотни писем — абсолютно безотрад-

ное чтение, немало сделавшее для славы своего автора.

И все-таки биографии, даже такой, мало. Для феномена Ван Гога огромное значение имеет его художественный язык. Это язык модернизма, но модернизма среднего уровня сложности. Пока Мане, Дега и Сезанн говорили на языке формы (попробуйте запомнить, а лучше полюбить 150 сезанновских пейзажей с горой Святой Виктории!), Ван Гог писал нервно, но прямо. Его полотна иллюстрируют не идеи, а чувства. При этом чувства не безудержные, как это будет у экспрессионистов, а по-французски сдержанные, удобоваримые в любом настроении и в любое время суток. Безумие автора практически всегда остается за рамой, фоном, о котором зритель знает, но которое не раздражает его глаз.

Ван Гог — художник для масс? Сегодня — конечно. Поп-звезда мировой культуры, которая в этом своем звании несколько не виновата. Миф о Ван Гогe создал не он, но миф оказался чрезвычайно живучим. По его законам жили многие поколения художников, пока всех не остановил Энди Уорхол, показавший, что радикальный художник может позволить себе быть богатым, красивым и знаменитым и при этом история искусства от него не отвернется. Но Ван Гогу это открытие уже не помогает — он, похоже, вечный юбиляр.